

АМЕРИГО

Человек,
который дал своё имя
Америке

Фелипе
Фернандес-Арместо

Издатель «Андрей Ельков»

УДК 929
ББК 84.7
Ф43

Felipe Fernández-Armesto
Amerigo – The Man Who Gave his Name to America

Ф43 **Фелипе Фернандес-Арместо. «АМЕРИГО. Человек, который дал своё имя Америке».** Москва, 2020, 288 с., 8 с. цв. ил., пер. с англ. Издательство «Андрей Ельков».

ISBN 978-5-906254-69-6

Америго Веспуччи тот самый человек, кто в 1507 году дал своё имя Америке. Заслужил ли он, чтобы целый континент был назван его именем, или нет – споры не утихают по сей день. В этой первой критической биографии Веспуччи мы следуем за ним из Флоренции Лоренцо де Медичи в Севилью Фердинанда и Изабеллы, через Атлантику Колумба к встрече нашего героя с Новым Светом на другом краю океана.

Образ Веспуччи зыбок – остаётся таким же ускользающим, как во флорентийском полусвете его молодости – но так близко мы узнаём его впервые.

Как бы мало мы ни знали о том, что происходило с Веспуччи, и о его собственных поступках, но после прочтения этой книги читатель лучше поймет и знаменитого флорентийца, и эпоху великих географических открытий.

This edition published by arrangement with Synopsis Literary Agency

---

Фелипе Фернандес-Арместо
«АМЕРИГО. Человек, который дал своё имя Америке»

Редактор *Андрей Панеях*
Художник *Александр Матросов*
Перевод с английского, верстка *Андрей Ельков*

Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
e-mail: elkov_andrey@mail.ru
<http://www.elkov.ru>

«Завораживающе-смелый текст, умело скомпонованный и основанный на энциклопедических познаниях автора. Чтение доставляет истинное удовольствие».

Guardian

«Фелипе Фернандес-Арместо – один из наиболее блестящих из ныне действующих историков. Его книги исполнены эрудиции и оригинальных идей, в них даже известные знания подаются в неожиданном ракурсе. Эта книга не исключение».

Independent

«Фелипе Фернандес-Арместо сочетает оригинальный ум с живым карандашом, в книге он обращается к сложной теме с точностью и сдержанностью».

The Times

«Для любого, желающего понять колониальные истоки современной Америки, начинать нужно с этого места».

History Today

«Фелипе Фернандес-Арместо умеет поставить с ног на голову устоявшееся мнение и показать читателю сочную изнанку истории... детали проводимого доказательства захватывают воображение».

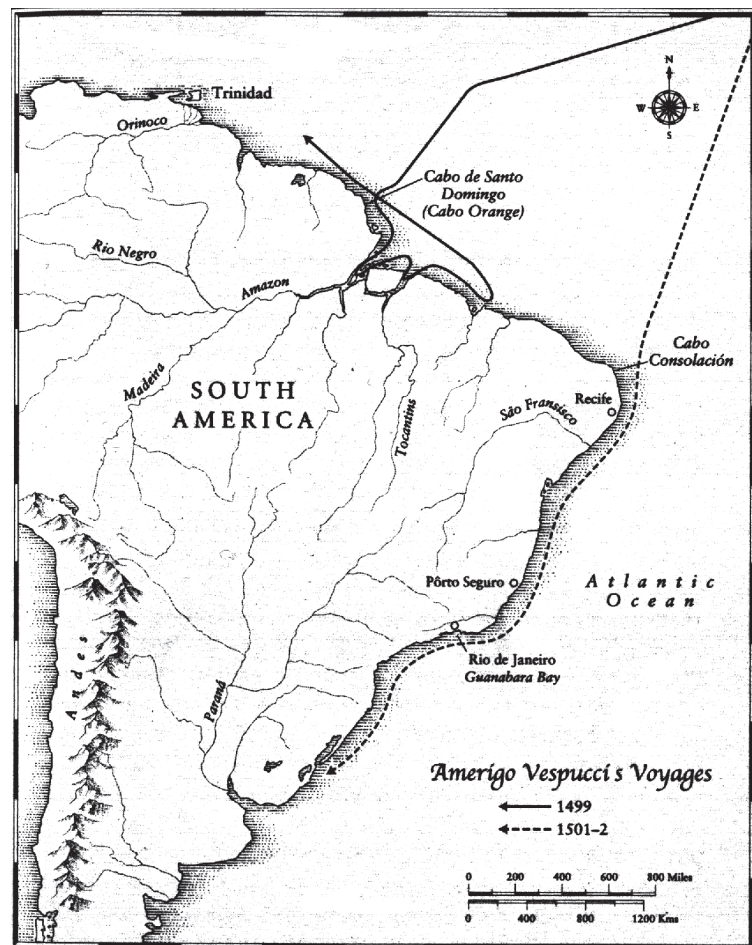
Literary Review

© Felipe Fernández-Armesto, 2019
© Издатель Ельков А., 2019
ISBN 978-5-906254-69-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	9
Глава 1. Воспитание мага	15
Колдовской город	15
Большая семья	25
Образование мага	32
Парижская интерлюдия	39
В тени «Великолепного»	43
Флорентийский Фигаро	50
Глава 2. Новые горизонты	61
Магнит, влекущий на Запад	64
Веспуччи отправляется на Запад	73
Из торговца в мореходы	86
Глава 3. Звездочёт в океане	92
Плавание с Охедой	92
Где в мире ...?	99
Назначивший себя космографом	107
Переезд в Португалию	121
Глава 4. Книжная полка «гипнотизёра»	134
Сирены в источниках	136
Компилятор рассказов	141
Проблема аутентичности	152
<i>Рукописные отчёты</i>	156
<i>Mundus Novus</i>	163
<i>Письмо к Содерини</i>	170
Глава 5. На пороге райских земель	184
Материальное окружение	185

География открытий.....	193
Встреча с людьми	202
Глава 6. Маг	228
«Вопросы, касающиеся навигации»	228
Жизнь и смерть Главного Лоцмана.....	238
Что в имени тебе моём ...?.....	245
Веспуччи и Колумб.....	255
Причуды репутации	261
Образцовый Паладин	271
<i>Примечания .....</i>	<i>277</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*А тот глупец, что, глупый беспробудно,
Работает за так весь день деньской,
Поднимет парус и направит судно.
Он, увлечённый мыслию одной,
В себе объять мечтает мир земной
И к дальним странам с компасом стремится,
Чтоб описать их климат и границы.*

*Познать он жаждет мир наш поднебесный,
Пройти мечтает каждый регион,
Узреть места, что людям неизвестны,
Что Господом сокрыты испокон.
Глуциу неймётся – всюду рыщет он
И карты чертит... Да уж, честь большая:
Бродить кругом, казну опустошая.*

***

*Матросы да вельможи вдруг нашли
Далёкий брег, неведомый доселе.
Простор и недра чуждой нам земли
Они в наш век приблизить к нам сумели.
А их сыны, достигнув новой цели,
Найдут, что ныне скрытая страна,
Людьми, как мы, давно заселена!*

Александр Барклай,
«Корабль дураков» (1509)*

Америго Веспуччи, давший свое имя целому континенту – Америке, был сутенером в молодости и магом в зрелые годы. Эта удивительная трансформация стала итогом нескончаемого процесса его перерождения, запустившего цепочку невероятных карьерных ходов и то, что сегодня глянцево-журнальные именуют «сменой имиджа».

Ближе к 30-ти годам он начал переделывать свою идентичность с такой регулярностью, что это наводит на мысль о неудовлетворенности собой и сжигающей нутро потребности постоянно находиться «в бегах». Вначале он оставил службу у властителя Флоренции, своего родного города, и перешел в подчинение к его сопернику. Через несколько лет в 1491 году он покинул Флоренцию и отправился в Севилью, но и там бросил свой бизнес, состоявший в посреднических услугах при купле-продаже, прежде всего ювелирных изделий, чтобы заняться подготовкой и снаряжением путешествия Колумба в Новый Свет.

В 1499 году в возрасте 45-ти лет или около того он нашел себе новое занятие, отправившись в океанское плавание самостоятельно, и через несколько лет уже считался знатоком навигации и космографии. В процессе этой последней трансформации Америго переходил с испанской службы на португальскую и наоборот. Несмотря на недостаток квалификации и профессиональных навыков, он был настолько убедителен в своей новой роли, что стал кем-то вроде официального космографа, получив монополию от кастильской короны на подготовку штурманов дальнего плавания и морских карт. Некоторые эксперты даже называли его новым Птолемеом, реинкарнацией ве-

---

* Перевод Дмитрия Якубова (здесь и далее – специально для этой книги).

личайшего, или, во всяком случае, наиболее влиятельного географа античных времен. В эпоху Ренессанса не было большей похвалы, чем быть поставленным на один уровень с учеными древности.

Даже если не брать во внимание чрезвычайный случай или ошибку, из-за которой его именем было названо Западное полушарие, биография нашего героя интригуяща сама по себе – по причине изумительной легкости и безупречности переформатирования своей судьбы. Он одолевал все препятствия, которые встречались ему на жизненном пути, приспособляясь и переприспосабливаясь к чему угодно, словно сам состоял из ртути, и всё же ни один современный ученый с репутацией не рискнул написать его биографию. Ближе всех подошел к осуществлению этой задачи Лучано Формисано, чье аккуратное и на надежной источниковой базе биографическое эссе включено в сборник, изданный в 1991 году в честь 500-летней годовщины первого пересечения Колумбом Атлантики¹. Другие же попытки представить его обстоятельную биографию являются гимнами обожателей с вкраплением реальных фактов или не имеющие ценности вульгаризации, в основе которых романтика, прославление героя и пространные рассуждения, служащие для заполнения пустой формы². Но такие подходы совсем не вынуждены. Факты биографии Веспуччи поразительны по своей сути и без всякого украшения. И всё же явная скудность посвященных ему исследований привела к тому, что большинство фактов, включая и те, что представляют величайший интерес и способны ошеломить читателя, остались непроясненными. Я отобрал два из них для первого предложения этого предисловия, и не только потому, что они впечатляют сами по себе, но также из-за того, что они не упоминаются в существующих биографиях и практически не обсуждались, во всяком случае в печати, специалистами, занимающимися этой и смежными темами.

Ученые предубеждения понять нетрудно. Специфические серьезные проблемы, связанные с источниками, касающимися жизни Веспуччи, не позволяют судить с уверенностью ни о чем. Легко привести множество примеров. И в самом деле, мы знаем о Веспуччи больше, чем о любом другом мореплавателе его времени, за исключением Колумба. Но и сравнение с Колумбом показательно. Последний изливал свою душу на бумагу всякий раз, когда обмакивал перо в чернила. Из написанного Веспуччи мало что сохранилось; и хотя большая часть из дошедшего до нас носит в широком смысле автобиографический характер, он никогда не допускал саморазоблачающих излияний, столь характерных для трудов Колумба. Критики оспаривают или, наоборот, принимают как аутентичные все письма, приписываемые Веспуччи или опубликованные под его именем и при его жизни. Дебаты ведутся жаркие, но точных ответов не предвидится. По общему согласию письма от руки признаются подлинными³. Один из крупнейших знатоков Веспуччи, Альберто Маньяги, доказал это в 1920-х годах⁴, и последующие исследования подтвердили его выводы. Однако вопрос о том, входят или нет – одно или оба – два опубликованных письма (*Mundus Novus* и *Письмо к Содерини*) в этот признанный аутентичным корпус писем, остался нерешенным. Некоторые исследователи отказывают им обоим безоговорочно⁵, поддерживая мнение ученого 19-го века Висконде де Сантарема, что они «каждой своей строчкой вопиют о подделке»⁶. Другие, еще более безрассудно, решительно принимают их на веру⁷. Третьи, включая всех ведущих ученых, занятых сегодня разработкой этой темы, полагают, что среди писем, приписываемых Веспуччи, есть и подлинные и поддельные, но отличаются в оценке того, в какой пропорции они относятся друг к другу. Сомнения парализуют научную мысль, ибо важные решения сильно зависят от содержания этих писем: был ли Веспуччи правдив, а если признать его зако-

3 ЗВЕЗДОЧЁТ В ОКЕАНЕ

Атлантика, 1499–1501: Посвящение в мореходы

Фердинанд и Изабелла доверили Алонсо де Охеде возглавить первую после Колумба экспедицию, потому что на него, как они заявили, «можно положиться». Сын малоимущего дворянина, Алонсо находился при дворе и зависел от милости монархов бóльшую часть своей жизни. Он не стал влиятельным придворным, но был настоящим «крутым парнем»: грубым, жестоким и безжалостным. Предотвратить развал колонии на Эспаньоле, грозивший ей из-за дилетантского руководства Колумба, сумел именно он. Он был «грубой силой» при Колумбе, подавляя бунтарей и террором удерживая аборигенов в повиновении.

История его путешествия показывает, однако, что эти качества оказались не слишком пригодными при независимом командовании. Он не сумел наладить взаимодействие с капитанами других судов, и в итоге его предполагаемый партнер Паролонсо Ниньо совершил автономное путешествие. Но сопровождало Охеду целое созвездие опытных мореходов, включая Хуана де ла Коса, члена команды Колумба и картографа. Америго был среди них.

Плавание с Охедой

Неизвестно, в качестве кого Америго присоединился к экспедиции Охеды. Позднее он писал об этом путешествии так, словно единолично командовал флотилией. Разумеется, это неправда. Никто бы не рискнул доверить руководство такому «сухопутному моряку», как Веспуччи, не имевшему опыта дальней навигации и не обладав-

шему нужной квалификацией для такой работы. Иногда неопытным подставным фигурам доверяли командование экспедициями. Васко да Гама, например, был простым мелкопоместным дворянином из глухой провинции, когда король Португалии пригласил его возглавить первую коммерческую флотилию, отправлявшуюся в Индию, но он был по крайней мере благородного происхождения и имел военный опыт. Командир следующего флота Педру Алвариш Кабрал также не был моряком, но был аристократом-придворным, пригодным для решения дипломатических задач, которые могли возникнуть по прибытии на место. У Веспуччи таких преимуществ не имелось.

Когда Веспуччи не выставлял себя единоличным командующим, то силился показать, что без его активного участия ключевые проблемы во время похода не решались. По меньшей мере, Веспуччи стремится так представить дело, будто он командовал кораблем, на котором находился, и вел собственные изыскания независимо от Охеды. Но этому нет никакого документального подтверждения; Охеда свидетельствовал по данной теме уже после смерти Веспуччи во время долгого судебного разбирательства, начатого семьей Колумба против короны по поводу прибылей, полученных от открытий адмирала. Приписав достижения этого вояжа исключительно себе, Охеда добавил, что он «брал с собой Хуана де ла Коса, лоцмана, Мериго [sic] Веспуччи и других лоцманов».

Из контекста вроде бы следует, что Охеда рассматривал Веспуччи как лоцмана (что выглядит довольно неожиданным, если это именно так, поскольку о предыдущем лоцманском опыте Веспуччи ничего не известно), но не в качестве одного из руководителей экспедиции. Возможно, при приеме новобранца командующий положился на его собственную аттестацию. Зная характер Америго, мы не очень удивимся предположению, что он несколько «подработал» свое резюме и добавил навык, которым в реаль-

ности не обладал. Не исключено также, что по прошествии многих лет Охеда классифицировал Веспуччи как одного из лоцманов на основании его последующей репутации. Примечательно, что Колумб, подав в суд на Охеду и обвиняя в нарушении своих привилегий, дарованных ему короной, и также обличая других заметных членов экспедиции, в отношении которых удалось найти свидетельства, против Веспуччи никаких претензий не выдвинул¹. Причиной могло послужить то, что Колумб имел некоторые обязательства перед Веспуччи, которые освободили флорентийца от преследования. Из этого можно заключить, что роль Веспуччи в экспедиции была слишком скромной, чтобы быть отмеченной. Не исключено, что он ее преувеличивал.

Каковы же на самом деле были его обязанности на корабле? Полезный прецедент, который нужно помнить – это Алвисе да Мосто, венецианец, который пребывал в качестве пассажира во время португальского путешествия с целью исследования Островов Зеленого мыса (Кабо-Верде) и Гамбии в 1454-5 годах, влекомый, по его словам, страстью к путешествиям и желанием увидеть мир. Поэтому в принципе можно было участвовать в плавании, не выполняя на борту корабля полезной работы и ничего не вкладывая в путешествие. Заявленная да Мосто незаинтересованность, впрочем, была редким качеством. Путешествовать из чистого любопытства считалось суетным тщеславием. Америго впоследствии высказывался в пользу отвлеченного, научного интереса, но в обстоятельствах 1499 года это была роскошь, которую он не мог себе позволить. Хотя Веспуччи не обмолвился по этому поводу ни словом, объяснить его решение отправиться вместе с Охедой можно только в связи с тем жемчугом, который был найден Колумбом. Мерцание жемчужин между створками раковин через Атлантику кружило головы жадным *десне-радо*, мечтавшим о быстром обогащении. Единственным

достоинством Америго, способным убедить товарищей по кораблю взять его на борт, могло быть только знание им рынка жемчуга. Его познания в навигации, весьма сомнительные ввиду отсутствия опыта и каких-либо достижений, удивить никого не могли.

Спутники Америго были буйными головушками. Они шли вдоль африканского побережья, затем заглянули на Канары, оставляя за собой хаос, а вдогонку им летели обвинения в пиратстве. Выбор Охедой маршрута через Атлантику был, очевидно, экстраполяцией опыта Колумба, показавшего, что для быстрейшего ее пересечения плыть нужно было в южном направлении от Канарских островов и, полагаясь на северо-восточные пассаты, двигаться в сторону Малых Антильских островов. Охеда направил нос корабля чуть южнее и вышел на побережье Южной Америки в точке, которая, как он полагал, находилась на двести лиг восточнее открытий Колумба. Ученые сходятся во мнении, что он прибыл в окрестности мыса Оранж, где сейчас Бразилия граничит с Французской Гвианой.

Из сохранившихся записей о путешествии, сделанных участниками во время или вскоре после него, о двух письмах и одном фрагменте с большой вероятностью можно говорить, что их единственным автором является Веспуччи. Они никогда не печатались и не сохранились в авторском написании, но были представлены разными переписчиками. Содержание этих документов существенно отличается от того, что приводится в других источниках. Поэтому их долгое время считали не заслуживающими доверия подделками. Однако первое письмо из Кадиса от 18 июля 1500 года можно считать более или менее аутентичным, ибо сохранились четыре современные ему копии, сделанные разными копиистами в совершенно разных местах. Адресат поименован просто: «Ваше Великолепие» и далее в письме «великолепный Лоренцо». Лоренцо Великолепный, который одно время был рабо-

тодателем Веспуччи, к тому времени давно умер, но тот же стиль сохранился при обращении к Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи.

Автор начинает с извинений, что не писал некоторое время за отсутствием новостей, достойных упоминания. Америго, похоже, решил возобновить привычку отчитываться о своих действиях перед Лоренцо ди Пьерфранческо. Он предполагает, что «Ваше Великолепие», должно быть, уже знает, «что я отправился в плавание на двух каравеллах 2 мая 1499 года по приказу короля Испании для совершения новых открытий в западной части Океанического моря». Эта уловка – предположить у читателя знание информации, которую автор затем собирается сообщить – один из старейших приемов риторики. У адресата послания и его автора, оказывается, имеются общие дела, что, с одной стороны, льстит читателю гипотезой наличия у него особых знаний, а с другой – позволяет завуалированно сообщить нужные факты. Одновременно такой прием поднимает значимость автора в представлении читающего. Веспуччи не забывает и об укреплении личной репутации, связав свою деятельность с королевским патронажем и пытаясь создать впечатление, что флотилия находилась под его единоличным командованием.

Описание Америго вояжа довольно туманно, какого и можно было ожидать от опасавшегося моря пассажира, имевшего, вероятно, смутное представление о том, где он находится и куда направляется корабль. Он упоминает лишь одно название – залив Париас, который Колумб окрестил так в предыдущем путешествии к венесуэльскому побережью. Оценка Веспуччи расстояния, пройденного вдоль побережья – по меньшей мере 2800 миль – кажется значительно преувеличенной: более чем вдвое по сравнению с мнением Охеды, если они считали в одинаковых милях. Он пишет, что они забрались гораздо дальше на юг, чем свидетельствуют другие источники, и добавляет нема-

ло деталей, чтобы его слова выглядели убедительно. В результате читатели, желающие узнать, куда действительно добрался Веспуччи, остаются в недоумении.

Историография этого путешествия втиснута между границами вероятности и критицизма. Америгофилы принимают все его записки на веру и нещадно подгоняют под них свидетельства из других источников; скептики отбрасывают отчеты Веспуччи, считая их безнадежно сфабрированными. Суммируя разные точки зрения, можно прийти к выводу, будто Веспуччи действовал в некоей параллельной вселенной, независимо от остальной экспедиции. В ранней истории европейской навигации в Новый Свет корабли нередко теряли друг друга из вида – их могла разметать погода, конфликтующие амбиции капитанов или же того требовала стратегия максимального расширения зоны совместных исследований. Источники противоречат друг другу относительно количества кораблей во флотилии Охеды, но их было по меньшей мере два или даже четыре, поэтому флот в принципе вполне мог разделиться. Но такой вывод порождает новые вопросы. Если Веспуччи отделился от главной экспедиции, то кто был с ним? Просто невероятно, чтобы он мог единолично командовать кораблем на этой стадии своей карьеры. Если флотилия разделилась и были сделаны важные открытия помимо тех, что приписывают Охеду, почему никто, кроме Веспуччи, их ни разу не упомянул? И почему его «экскурсия» не отмечена в официальных отчетах?

На эти вопросы можно отвечать по-разному. Вместе с Охедой плыли несколько моряков, обладавших достаточным опытом для командования судном, и хотя люди, имена которых нам известны, оставались с ним, флотилия располагала, по его собственным словам, и «другими пилотами». Один из этих безымянных пилотов мог взять под свою команду группу кораблей или один корабль, на котором находился Веспуччи. Последний, очевидно, вторгся в пределы,

приписанные Португалии по Тордесильяскому договору*, так что имелись причины не афишировать подобные инициативы... только не у Веспуччи, ибо его честолюбие невозможно было умерить – и стоит иметь в виду, что по возвращении он поступил на португальскую службу.

Теперь возникает следующий вопрос: как далеко он продвинулся вдоль атлантического побережья Южной Америки? Ответить на него невозможно, но следует сохранять объективность. Уклончивость Веспуччи не означает, что его путешествие ничего не добавило к предыдущим знаниям о побережье. Хотя записанные им открытия не появляются в других современных ему и дошедших до нас источниках, они, похоже, повлияли на картографов. Это не слишком надежное доказательство, поскольку географические карты подобны Библии: последователи разных доктрин всегда найдут в них нужные им подтверждения. Документы такого рода настолько уязвимы перед последующими улучшениями и подделками, что ни один историк не должен на них полагаться, если нет свидетельств из других источников². Как бы то ни было, карты того времени показывают, что в первые десять лет 16-го столетия исследованию во всех направлениях подверглась гораздо более обширная часть побережья Нового Света, чем это следует из официальных отчетов. И Веспуччи по результатам этого или следующего путешествий, а может быть и обоих, мог внести свой независимый вклад в собранный массив знаний.

Но в таком случае положение становится еще более двусмысленным: отбросить всё, представленное в отчетах Веспуччи, как плоды его фантазии, или согласиться с тем, что он принимал участие в плавании на корабле, отделившемся от флагмана? Хотя воображение у Веспуччи было

* *Тордесильяский договор* – соглашение между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния в мире. Заключен 7 июня 1494 года в городе Тордесильяс (Кастилия). Также см. далее по тексту.

незаурядным, его утверждение, что он в 1499 году пересек экватор, звучит убедительно. Флорентиец сообщает об этом из Лиссабона в письме домой, посланном в 1504 году³. В большинстве своем комментаторы 16-го века соглашались с тем, что Америго достиг «Земли истинного Креста» – название, которое Педру Алвариш Кабрал дал Бразилии, когда высадился там на берег – здорово к югу от экватора в мае 1500 года. Имеющиеся на текущий момент свидетельства заставляют нас предположить, что флотилия Охеды разделилась по достижении побережья Нового Света. Путешественники сошли на берег, вероятно, неподалеку от мыса Оранж. Группа Охеды проследовала дальше на северо-запад, вдоль берегов, уже виденных Колумбом, по направлению к острову Маргарита в надежде достичь побережья, где по слухам имелся жемчуг. Отряд, с которым отправился Веспуччи, повернул на юг и пересек экватор, но нет сведений, насколько далеко они продвинулись к югу.

Где в мире ...?

Хотя записи Веспуччи не содержат достоверных сведений о границах его путешествий, они дают нам четкое понимание той картины мира, что сложилась у него в голове. В какой точке Земли, по его мнению, он находился, добравшись до места, которое вскоре будет названо Америкой? В своем июльском письме 1500 года Америго в общих чертах рассказал, каким ему виделось путешествие. Подобно Колумбу, он направлялся, как ему представлялось, в Азию. «Мое намерение было обогнуть оконечность, названную Птолемеем Мысом Каттигара, который граничил с Великим Заливом и располагался, по моему мнению, недалеко от того места, где находились мы согласно исчисленным градусам долготы и широты»⁴.

Если отрешиться от ни на чем не основанного, но уже не удивительного (для читателя) самомнения, наиболее

примечательной характеристикой этого пассажа является его зависимость от взглядов на мир, сформулированных Колумбом. Ибо Мыс Каттигара на мысленной карте мира Колумба лежал на восточном краю самого дальнего рукава Индийского океана, или «Великого Залива», как картографы называли его в то время. Согласно Веспуччи, новые географические сведения, полученные во время плавания Охеды, подтверждали открытия Колумба. Расчеты Америго – гипотетические – долготы открытых им земель несут на себе, как мы увидим (*стр.* 115), печать картины мира, какой она виделась Колумбу.

Америго также принял гипотезу Колумба о том, что новые земли были частью (или располагались вблизи нее) восточной оконечности Азии: «другого мира, – как назвал его Колумб, – который древние стремились завоевать». Веспуччи не только верил, что он приближается к Индийскому океану, но также настаивал, что новое его путешествие даст ему шанс найти «остров Тапробана, который расположен ниже Индийского и Гангского морей, и затем я намерен вернуться на родину и провести остаток дней в мире и покое»⁵.

Под «Гангским морем» Веспуччи подразумевал современный Бенгальский залив. «Тапробана», который, как он выразился, «прямо смотрит на берег Индии», был чем-то вроде навязчивой идеи, не покидавшей Америго на протяжении всей его карьеры исследователя. Так называл Птолемей остров, позднее известный как Цейлон и который сейчас носит имя Шри Ланка. О нем знали древнегреческие торговцы, многие из которых часто отправлялись в Индийский океан в античные времена⁶, ибо остров являлся главным мировым поставщиком корицы. Плиний приписывал его обитателям невероятную продолжительность жизни. По средневековому преданию, жители острова Тапробана отличались богатырским здоровьем. На картах, отражавших представления Птолемея, которые флорен-

тийцы изготавливали в больших количествах во времена юности Веспуччи, Тапробана был всегда цветущим, заметным и располагался в центре «композиции». Америго описывал беседу о нем с путешественником, знавшим не понаслышке Шри Ланку и Суматру: «заслуживающий доверия человек по имени Гаспар» – вероятно, один из итальянских торговцев, работавших в Индийском океане, достигая его по многотрудным наземным дорогам вдоль Нила и далее вместе с караванами до Красного моря, или через потенциально опасные районы, где правили турки и персы, до Персидского залива⁷. Гаспар посетил множество островов Индийского океана:

«...и особенно один, называемый Зилан... Он рассказал мне, что это остров, очень богатый драгоценными камнями и жемчугом, и специями всех видов, и лекарственными травами, и другими диковинами, такими, как слоны и лошади различных видов, так что я начал подозревать из того, как он мне его представил, что это должен быть остров Тапробана... Также он рассказал мне, что там был другой остров под названием Скаматара, такой же большой, как и Зилан, расположенный очень близко от него и столь же богатый. Так что если Зилан не Тапробана, то им является Скаматара»⁸.

Есть что-то изворотливо-неискреннее в этом рассказе. «Зилан», или Цейлон, был хорошо известен и уже идентифицирован довольно явно как Тапробана в текстах, которые, безусловно, были хорошо знакомы Веспуччи, включая описания Индийского океана, составленные наиболее широко читаемым путешественником-автором средних веков, называвшим себя «сэром Джоном Мандевиллем», а также его вдохновителями Марко Поло и францисканским монахом Одоричем из Порденоне. Спекуляции на тему того, что Суматра могла быть Тапробаной, также были общим местом в средневековых географических

текстах. Веспуччи писал о своих «открытиях», ставших итогом его логических заключений, ровно так же, как он писал о своих путешествиях, представляя их как свои собственные достижения, опуская пионеров и прецеденты.

Но мнение Веспуччи о Тапробане помогает нам реконструировать его представление о Земле, когда он находился в плавании. Подобно Колумбу, он верил, что если бы смог обогнуть или пересечь вытянутое побережье, которое перерезало предполагаемый прямой путь в Азию, то богатства Востока открылись бы перед ним. Ментальная карта, которую он накладывал на реальность, была основана частично на взглядах Колумба и частично – на тех источниках, которые вдохновляли Колумба.

Эти источники нетрудно идентифицировать. В сущности, общая картина была основана на географических представлениях Птолемея, что неудивительно. Веспуччи мог вспомнить космографию, которую он изучал мальчиком во Флоренции, и использовать ее, чтобы дополнить или, возможно, оспорить какие-то идеи адмирала. И в самом деле, в среде флорентийских схоластов во времена юности Веспуччи процветало то, что можно назвать птолемеевской индустрией. Работавшие во Флоренции в 1460-х и позже картографы изготовили дюжины карт, основанных на представлениях Птолемея⁹. Самую известную карту того времени опубликовал в 1482 году Франческо Берлингьери, член кружка «друзей Платона». Джорджио Антонио Веспуччи, как и большинство образованных флорентийцев, обладал копией птолемеевской *Geography*, причем переписывал книгу, вероятнее всего, сам¹⁰. Итогом образования Веспуччи стало то, что он приближался к Новому Свету с головой, полной птолемеевских идей.

Впрочем, в голове Америго разместилась вовсе не точная модель Птолемея. Развитие гуманитарных наук, размышления схоластов и исследования – всё это вместе взятое изменило прочтение флорентийцами Птолемея во времена

юности Веспуччи. В частности, в конце 1480 и в 1490-х росло убеждение, что Индийский океан не замыкался сушей, как предполагал Птолемей, но был открыт к югу и потому доступен для навигаторов с востока или запада. В 1488 году экспедиция Бартоломео Диаса, обогнув Мыс Доброй Надежды, весьма укрепила данную мысль. В начале 1490-х Португалия послала агентов в Аравию и Эфиопию с намерением найти этому подтверждение. И в 1497-8 годах вояж Васко да Гама в Индию вокруг Африки доказал это безоговорочно. Еще до того, как Веспуччи покинул Флоренцию, один из картографов, работавших в этом городе, Генрикус Мартеллус изготовил карту, на которой Индийский океан был изображен уже в свете новых данных.

Карта Мартеллуса, вероятно, максимально близко отражает представления, которые имел Веспуччи в начале морской фазы своей карьеры. Ближе к восточному краю карты, где испещренный точками островов океан омывает дальний берег Азии, длинный полуостров вытягивается к югу. За ним к западу лежит Малайский полуостров, или «Золотой Херсонес», как его принято было называть на западе. В то время как на большинстве поздних средневековых карт, прямо основанных на картине мира Птолемея, эти полуострова выдавались в окруженный землями океан, Мартеллус и другие, не боящиеся рискованных предположений или просто хорошо информированные картографы, помещали их на краю Евразии, частично поперек входа в Индийский океан или, по терминологии Веспуччи, «Великий Залив». На просторах этого моря лежал остров Тапробана, строго по центру и сильно увеличенный в размерах. Любой, кто сравним с Колумбом и Веспуччи в опыте применения карт, сделает очевидный вывод: открытые Колумбом острова были удобными стоянками на пути в Азию. Протяженное побережье, вдоль которого следовал Веспуччи, являлось, по его разумению, самым восточным полуостровом Азии на карте Мартеллуса.

Нет ничего удивительного в том, что взгляды Веспуччи были так близки и столь сильно зависели от взглядов Колумба. Америго работал на одного из самых ярких почитателей Колумба Джианотто Берарди. Ему было трудно не подпасть под очарование мореплавателя. Как новичок в космографии и навигации, он был просто обязан считаться с мнением человека опытного и получившего признание. Отправившись в собственную атлантическую авантюру, Америго стремился подражать Колумбу, так что вполне естественно для него было принять и некоторые взгляды Колумба.

Более того, Колумб еще не до конца утратил благорасположение к нему картографов, которое он завоевал своим первым трансатлантическим путешествием. С течением времени, после некоторых размышлений и просеивания информации, большинство комментаторов отбросило мнение, что Колумб добрался чуть ли не до самой Азии: размер земного шара просто исключал такую возможность. Но в возбужденной атмосфере, возникшей по возвращении Колумба, многие современники приняли всё им сказанное на веру. Комментарий кастильского адмирала был типичным: Колумб выполнил все свои обещания. Согласно герцогу Мединасели, он «нашел всё, что искал»¹¹. Папа – размышляя, очевидно, над текстом первого печатного отчета о путешествии Колумба – согласился с тем, что мореплаватель нашел удивительную и экзотическую землю «в направлении Индии». В этих обстоятельствах Америго трудно предъявить претензии в некритичности. Он был не единственным, стоявшим на позициях Колумба; до Магеллана, нашедшего в 1529 году путь в Азию и показавшего по ходу дела, что Колумб ошибался и в размере Земли, и в легкости путешествия, большинство трансатлантических навигаторов продолжали мечтать о достижении Азии.

Как бы там ни было, но Колумб и Веспуччи черпали знания, в сущности, из одних и тех же источников инфор-

мации. Так же как Птолемей и Страбон, оба исследователя отчасти опирались на теории Паоло дель Поццо Тосканелли (*сmp.* 36). Хотя его записи практически не сохранились, Тосканелли приобрел огромную популярность. Каждый современник, который знал его или о нем, ставил Тосканелли очень высоко как эксперта в космографии. Йоханнес Мюллер, более известный под именем Региомонтан (схоласты того времени давали друг другу имена на латыни), составивший лучшие на тот момент астрономические таблицы, ставил Тосканелли как математика выше Архимеда. В гуманистических кругах не было похвалы громче¹². При обмене письмами с Тосканелли Колумб получил подтверждение наиболее важным из своих географических концепций, например, о возможности, хотя бы в теории, доплыть до Азии, двигаясь на запад через Атлантику. Более того, Тосканелли утверждал, что предлагал португальцам осуществить такую попытку, и отправил Колумбу копию письма на эту тему с иллюстративной картой, которую он послал своему корреспонденту в Португалию. Воспитанный во Флоренции в интеллектуальном кружке Тосканелли, Веспуччи вряд ли мог избежать воздействия тех же самых идей.

В одном вопросе он всё же расходился с теориями Колумба. Он разделял мейнстримовский взгляд на размер Земли: 24000 миль по экватору. Это превосходило предположение Колумба; но так как Америго, сообщая это число, рассуждал в кастильских милях, которые короче других – оно было заметно меньше в сравнении с большинством современных ему расчетов. Попытки в этом вопросе конвертировать числа Птолемея в современные дают от 22500 до 31500 римских миль. Колумб также в основном опирался на данные Птолемея, но отбрасывал оценку размеров мира великого александрийца в пользу более скромной оценки, имевшей в то время своих сторонников, которую Птолемей упомянул только затем, чтобы ее опровергнуть. Опираясь также на некоторые другие более или менее случай-

ные вычисления, Колумб давал земному шару размеры на 20-25% меньше действительных¹³. Число с минимальной недооценкой – примерно на 13% меньше реального значения – предложил Тосканелли. С ним соглашался влиятельный нюрнбергский космограф Мартин Бехайм, который в 1492 году сделал глобус, дошедший до наших дней и являющийся старейшим из сохранившихся в Европе¹⁴. Лишь малое число экспертов приняли сторону Колумба.

Курьезный факт: с одной стороны, не вызвало особенных сомнений, что Колумб достиг границ Востока после сравнительного короткого путешествия: 750 лиг (примерно три тысячи миль) согласно лоцману его флагманского корабля, или чуть более тысячи лиг – согласно собственным колумбовым более щедрым и менее надежным вычислениям. И в то же самое время размеры Земли, какими их тогда считал научный мир, делали подобный подвиг невозможным. Даже по расчетам Тосканелли выходило, что Колумб ступил на открытую им землю, находясь в тысячах миль от восточного края Евразии.

По этому вопросу Птолемей оказал на Веспуччи решающее влияние. Вместе с большинством других современных ему читателей Америго принял цифры Птолемея без коррекции. Но как тогда он мог поддержать план Колумба плыть в Азию в западном направлении, если знал, что размер земного шара делает путешествие обескураживающе долгим? Вероятный ответ – принятие желаемого за действительное в сочетании с отсутствием профессиональных познаний в навигации. С одной стороны он, вероятно, надеялся, что цифирь постепенно будет уточняться, если не оставлять усилий. С другой – Америго явно переоценивал преодоленное Колумбом расстояние, повторяя очевидно завышенные адмиралом значения долгот, будто вычисления он проделывал независимо. Итак, не считая представления Колумба о размере Земли установленными окончательно, Веспуччи видел мир относительно

скромных размеров, где Азия располагалась буквально рядом, стоило лишь завернуть «за угол» земель, открытых Колумбом. Не имея практических знаний о море, он испытывал излишний оптимизм относительно того, как далеко и насколько быстро могут перемещаться корабли.

Но стоило ему вернуться домой после пересечения океана, Америго начал серьезно работать над формированием своего нового образа. Он превратился в Америго Веспуччи, божественного навигатора, непревзойденного в искусстве измерения широт и даже долгот – флорентийский маг в действии. «Поскольку, – писал он Лоренцо ди Пьерфранческо, – если я правильно помню, ваше Великолепие имеет некоторые познания в космографии, я хочу описать вам, насколько далеко мы заплыли в нашем путешествии на языке долгот и широт»¹⁵. Неожиданной и удивительной выглядит такая демонстрация себя знатоком навигации, словно за одно морское путешествие он сумел самостоятельно освоить новое для себя искусство, стать настоящим профессионалом, – подобно Минерве, ворвавшейся в жизнь уже вооруженной до зубов. Насколько оправдан был его новый имидж?

Назначивший себя космографом

Помимо привычного выщучивания «грубости» моряков, не способных постичь тайны космоса, в своем первом отчете Америго уделил много места космографическим вопросам. Несмотря на ореол эксперта и очевидное общее знакомство с морем и небом нижних широт южной полусферы, многое из написанного им не имеет особого смысла.

Стремясь подчеркнуть, что при переходе через «жаркий пояс» (иначе – *тропический* пояс) судно проходит через экватор, он указал, что в какой-то момент предметы перестали отбрасывать тень – что вряд ли возможно в виде момен-

тального перехода от одного к другому. Америго утверждал, что экспедиция потеряла из виду Полярную звезду в шести градусах к югу от экватора; но это кажется, в лучшем случае, большим преувеличением. Согласно Веспуччи, в сорока лигах к югу от устья Амазонки экспедиция столкнулась с сильным обратным течением, более яростным, чем то, что сторожит Гибралтар или идет через Мессинский пролив. Но там нет такого течения. Он пишет, что флотилия проникла на шесть градусов за экватор, но называет пределом маршрута точку на 60,5 градуса южнее широты Кадиса – ошибка, которая может быть объяснена только aberrацией или опiskeй. Он утверждает, что в течение июля и августа 1499 года они были на экваторе или в диапазоне от 4 до 6 градусов от него, и что день и ночь были равной продолжительности, чего, очевидно, быть не может.

Наиболее абсурдным было его утверждение, будто они отделились на 5466 $\frac{2}{3}$ мили к западу от Кадиса. Определить расстояние, пройденное по морю, в те времена было очень трудно. Опытные мореходы делают такие расчеты, оценивая скорость судна. В кильватере корабля выбрасывают лить, перехваченный узлами на одинаковом расстоянии друг от друга и с грузом на конце, засекают какую-либо неподвижную точку или плавающие обломки и после подсчета количества узлов, ушедших за борт, выносят суждение о скорости. Метод грубый, но практичный. Веспуччи не имел нужного опыта для таких действий, но для команды это не было проблемой. Сам же навигатор мог засесть время движения корабля по песочным часам, переворот которых выполнялся не совсем точно. Скорость, помноженная на время, давала пройденное кораблем расстояние. Неудивительно, что когда несколько навигаторов на корабле вели расчеты, разница в их оценках достигала 20% в длительных путешествиях. И ни один навигатор, даже и некомпетентный, не переоценивал свои расчеты столь вопиющим образом, как Веспуччи.

И всё же, несмотря на множество ошибок, допущенных Веспуччи, и очевидный недостаток у него морских навыков, нельзя полностью исключать, что он мог сделать некоторые ценные наблюдения или даже научные открытия. Такие открытия, говоря откровенно, часто делаются аутсайдерами и обычными людьми, не обремененными специальными знаниями и не опасаящимися за свою профессиональную репутацию.

Строго говоря, самые амбициозные заявления о своем путешествии Веспуччи сделал не в качестве навигатора, но астронома. Наиболее смелые мысли навевали ему наблюдения за небом. Знаменитый пассаж в письме к Лоренцо ди Пьерфранческо посвящен поиску им на небе Южного полушария эквивалента Полярной звезды – звезды с почти фиксированным расположением на небосводе, позволяющей кораблям строить по ней свой путь. Веспуччи сильно заинтересовал, мне кажется, вопрос из любопытных строк травелога* 14-го века, известного как *Книга* или *Путешествия* автора, называвшего себя сэром Джоном Мандевиллем. Этот текст, как мы впоследствии увидим, редко покидал голову Америго во время его собственных путешествий.

«Нужно понимать, – пишет автор, перечисляя приключения, которые, по его словам, ему довелось пережить в южном полушарии, – что, находясь в этом месте и во многих других, расположенных рядом, звезду, называемую *Polus Arcticus* (Полярная звезда), нельзя увидеть; она находится всегда на севере и неподвижна, и по ней выверяют свой путь мореплаватели. Она не видна на юге. Но здесь есть другая звезда, называемая *Antarctic* (Антарктика), которая прямо противоположна первой; и моряки здесь строят свой маршрут по

* *Травелог* – от англ. travelogue – литературное описание путешествий.

этой звезде, как они это делают по Полярной звезде. Как их звезду нельзя увидеть здесь, так нашу звезду нельзя увидеть там¹⁶».

Строки Веспуччи по этой теме уместно процитировать по двум причинам: во-первых, словно подкрепляя ожидания, разбуженные Мандевиллем, они создают впечатление, будто он действительно проник в южное полушарие, и во-вторых, из-за другой литературной модели, которой Америго следует:

«Я, желая первым указать звезду небосвода другого полюса, потратил много ночей, изучая движения звезд другого полушария, чтобы отметить те, что двигались медленнее и те, которые двигались быстрее по небосводу. И неважно, как много бессонных ночей я провел и как много инструментов использовал – каковыми были квадрант и астролябия – я не смог отыскать звезду, которая перемещалась бы внутри круга в десять градусов по небосводу. Поэтому я не мог быть удовлетворен итогами своей работы, не говоря о том, что здесь нет звезды, которая могла быть названа Полярной звездой Юга из-за больших кругов, которые звезды описывали на небосводе. Размышляя об этом, я вспомнил слова нашего поэта Данте из первой главы “Чистилища”, где он говорит о воображаемом оставлении одного полушария и переходе в другое. Желая описать Антарктический полюс, он говорит:

Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!¹⁷.

Пер. М. Лозинского

Мне кажется, что в этих стихах поэт хочет представить четыре звезды, словно они составляют южный полюс, и мне думается, что сказанное им может оказаться правдой, ибо я отметил четыре звезды в форме мандорлы*, которая была почти неподвижной; и если Бог даст мне жизнь и здоровье, я надеюсь вскоре вернуться в это полушарие и не вернусь домой, пока не найду Полюс¹⁸».

Что из всего этого следует? Приведенный отрывок захватывает воображение каждого, кто его читал. Он воспроизведен во всех печатных версиях, пиратских или законных, путешествий Веспуччи. Трудно поверить, что эти строки принадлежат тому, кто всегда оставался к северу от экватора. Ранние граверы, готовившие отчеты Веспуччи к печати, усеивали свои страницы звездами. Это открытие явно признавалось прорывом в астрономии. На основании этих слов Америго «назначили» открывателем Южного Креста, или, по меньшей мере, стали считать его предсказателем.

Прежде чем давать оценку этим суждениям, полезно рассмотреть свидетельство, касающееся другого его прославленного достижения во время этого путешествия: измерение долгот в открытом море. И вновь влияние Птолемея и образования Веспуччи, полученного в рамках птолемеивской школы, являются существенной частью бэкграунда. Предложенный Птолемеем метод проецирования карты мира на градусную сетку (состоящую из линий долготы и широты) на практике был неприменим из-за состояния технологий на тот момент, но он надолго очаровал географов. Еще до того, как тексты Птолемея дошли до Флоренции, ученые уже знали о нем понаслышке. Городской космограф 13-го века, работая по очевидно ненадежной и спекулятивной карте мира, пред-

* *Мандорла* – в христианском искусстве особая форма нимба, вытянутого вертикально, внутри которого помещается изображение Христа или Богоматери (реже святых).

положил, что Пекин лежал на 165 градусов и 58 минут восточнее и на $46\frac{1}{2}$ градусов севернее Флоренции¹⁹. Его метод был здравым в своей основе: он использовал расчетные времена затмений для фиксации относительных долгот мест, расположенных на измеренных расстояниях от Флоренции, и экстраполировал расчеты, оценивая более удаленные места по тем пространствам, что они занимали на карте. Тосканелли расширил метод, составив таблицу из оценочных долгот и широт с целью применить результаты при создании новой карты мира, основанной на принципах Птолемея.

Применявшийся Веспуччи метод расчета долгот (принято считать, впрочем, что метод изобрел он сам или, в крайнем случае, в его эпоху) был хорошо известен еще в античности и в Средние века, по меньшей мере в теории. Вот как это работало. Можно предсказать время, когда два небесных тела наложатся на небе друг на друга с позиции наблюдателя. Чаще всего для этой цели выбирают Луну и какую-то другую планету, так как их можно наблюдать невооруженным глазом, а быстрое движение Луны по небу означает, что такие совпадения случаются относительно часто. Веками астрономы занимались тем, что строили таблицы таких предсказаний. Веспуччи имел печатную копию знаменитого набора таблиц этого типа, составленных в Нюрнберге и Толедо. Записывая время, в которое он наблюдал те же самые совпадения в другом месте, он мог вычислить временную разницу между этим местом и Нюрнбергом или Толедо. А это позволяло узнать долготу его местоположения, так как разница во времени прямо пропорциональна разнице в долготе.

Иным способом, или для независимого подтверждения полученных данных, в теории можно было рассчитать долготу путем измерения разницы в градусах между положением Луны и другого небесного тела относительно наблюдателя в данное время. Этот метод, который астро-

номы называли методом «углового расстояния», был совершенно невозможен при технологии, которую Веспуччи имел в своем распоряжении; ни один инструмент того времени не был достаточно мощным и в нужной степени откалиброванным, ни один часовой механизм не обеспечивал требуемой точности. В любом случае Америго сильно переоценивал скорость движения Луны по небу, так что никакие вычисления, которые он сделал на основе углового расстояния, не могли оказаться верными, разве что по счастливому совпадению. И, что совсем уж плохо, Америго, похоже, не знал места, для которого имевшиеся у него печатные таблицы готовились: те, что относились к Нюрнбергу, он попеременно привязывал то к Феррара, то к Кадису. Не приходится удивляться тому, что он писал: «Относительно долготы я утверждаю, что в нахождении ее я столкнулся с такими сложностями, что лишь с величайшим трудом удалось вычислить точное расстояние, которое я проплыл, в терминах долготы»²⁰. И всё же, несмотря на все эти препятствия, часть из которых он осознавал, Америго утверждал, что способен вычислить угловое расстояние между Луной и Марсом в нужный момент.

Этот момент возник 23 августа 1499 года. Совпадение, согласно имевшимся у Америго таблицам, произошло «в полночь или за полчаса до нее». Но он не мог наблюдать совпадение воочию, так как с учетом его местонахождения оно произошло перед заходом солнца. Поэтому он измерил расстояние между Луной и Марсом при их первом появлении и повторил измерения в полночь по местному времени. Результаты измерений оказались противоречивыми, и всё же Америго не обнаружил трудностей при их сведении. Он полагал – по его утверждениям, на основании этих наблюдений – что временная разница между его положением и меридианом из его таблиц, который он на этой стадии связывал с Феррара, составляла примерно 5,5 часов. Отсюда он сделал довольно странное заключение,

что находился в этот момент на $82\frac{1}{2}$ градуса западнее Кадиса, для которого его таблицы не годились. Более того, Кадис располагался более чем на 17 градусов западнее меридиана использовавшихся Веспуччи таблиц.

Если вспомнить тревожные нестыковки в его отчетах, то возникает вопрос: чего стоят его вычисления? Использованный им, по его утверждению, метод зависит от точности как «засечек» времени, так и собственно наблюдений. Если Америго находился на борту корабля, что следует из контекста его рассказа, то любое движение судна может помешать точному измерению времени и наблюдениям за небом. Ни один из навигаторов, пытавшихся применить этот или похожий метод в море до появления телескопов, не преуспел в получении более или менее точных результатов. Даже в стабильных условиях на суше метод оставался ненадежным; на него нельзя было полагаться до середины 18-го века, когда более точные таблицы, хронометры и телескопы сделали его практически применимым. Для полноты картины добавим, что неточности, допускаясь составителями и печатниками при подготовке таблиц, лишали попытки Веспуччи какого-либо смысла.

Но где, собственно, находился сам Веспуччи в момент совпадения светил? Какова была реальная долгота его местонахождения в сравнении с той, которую, как он утверждал, он вычислил? Охеда добрался до Эспаньолы 5 сентября 1499 года. Какими бы ни были прежние отклонения флотилии от маршрута, на этой стадии путешествия, насколько нам известно, Веспуччи был вместе с ним. Отсюда следует, что 23 августа Америго всё еще находился на самом полуострове Кокибакоа, или где-то неподалеку, в окрестностях Кабо де ла Вела. Это не более чем на 64 градуса западнее Кадиса. Стало быть, он примерно на час с четвертью отставал от «своей» засечки времени. Конечно, во время обсуждаемого наблюдения он мог находиться не с Охедой. Но даже если он был в ином, неизвестном нам ме-

сте, оно едва ли располагалось много западнее. Напротив: поскольку, по его же утверждению, он провел август в пределах 4-х или 6-ти градусов от линии экватора, он должен был быть ближе к меридиану Кадиса, поскольку побережье имеет тенденцию уходить к востоку по мере приближения к экватору. Чтобы цифры Веспуччи были достоверными, он должен был находиться где-то в глубине Тихого океана.

После распутывания этой «кошкиной люльки» неопределенностей и ошибок читателю будет приятно узнать, что тайна получения Веспуччи своих цифр имеет очень простую разгадку. Все его утверждения касательно того, как он умело управлялся с астрономическими и математическими проблемами исчисления долгот, являются полной чушью и не более чем жонглированием научными терминами, чтобы запутать читателя и внушить к себе уважение. Величина $82\frac{1}{2}$ градуса не явилась результатом его наблюдений или вычислений: Веспуччи получил ее от Колумба, который рассчитал – и очень неточно – долготу восточного берега Эспаньолы, засекая момент наступления лунного затмения в 1494 году²¹. Вычисления Колумба чудовищно неточны, но, во всяком случае, он сделал некоторые наблюдения, на которые и опирался в своих расчетах. Не используя самостоятельно составленных (а может быть, и вообще никаких) таблиц, Веспуччи позаимствовал это число у своего предшественника в предположении, что он находился примерно в той же части Земли²². Настоящая тайна заключается не в том, как Веспуччи сделал свои вычисления, а в том, почему люди ему поверили. Ничем не подкрепленные заявления дали ему статус, которого он страстно желал – признанного мага. Веспуччи стал наиболее востребованным астрономом в Европе.

Доверие внушало его техническое оснащение – точнее, зрителей впечатлял способ обращения Америго с инструментами. Квадранты во времена Веспуччи были большими, неуклюжими и плохо откалиброванными приборами.

Имелись уже изящные и элегантные астролябии, но они не годились для измерения угловых расстояний. Для вычисления угла возвышения небесного тела над горизонтом инструмент требовалось удерживать в подвешенном состоянии строго вертикально. Чтобы использовать прибор для своих нужд, Америго должен был держать его боком, не меняя при этом угол зрения. Его инструменты были игрушками чародея, без сомнения, полезными для внушения благоговейного страха впечатлительным матросам и способными обмануть доверчивых историков, но для практической и каждодневной работы они не годились. Колдуя над квадрантом и астролябией, Веспуччи напоминал скорее обычного фокусника, отвлекающего аудиторию реквизитом. Он явно не мог составить собственные таблицы долготы, и его романтические наблюдения южного неба, даже важные и любопытные, очевидно, никак не были связаны с инструментами. Его скорее можно было назвать даже не «чокнутым», сколько псевдо-«чокнутым» профессором, аффективно ловко управляющимся с инструментами, устройства которых зрители не понимали. Он первым заявил, что ведет расчеты по методу угловых расстояний, и его предполагаемая попытка опередила на несколько лет первую известную публикацию о данном методе²³. Но чтобы признать за ним это достижение, нужно, чтобы оно было реальным.

Веспуччи напоминал персонаж, хорошо известный по литературной сатире того времени, посвященной тщеславию – «Корабль дураков». В 1494 году под этим названием появилась известная поэма Себастьяна Бранта, представлявшая жизнь как путешествие на корабле, набитом дураками. Босх нарисовал одноименную картину примерно в то время, когда Веспуччи был в море. Первый отчет Колумба о его пересечении Атлантики явно помог вдохновению поэта, увидевшего его немецкое издание. В ранних изданиях с виршами Бранта на титульной странице был

рисунок с дураками, готовыми отправиться в плавание в поисках «Наррагонии», «Земли дураков» (или Глупландии) – первый духовный спазм, вызванный открытием Нового Света. Кто бы что ни думал по поводу названия Америки, всё же хорошо, что брантовский ярлык не прилип к новому континенту.

Одним из путешественников на корабле Бранта был космограф. На гравюре оригинального издания он старается измерить Землю с помощью циркуля, в то время как демон шепчет ему на ухо:

Кто земли, небеса, моря
 Всё мерит, верю горя,
 Тот глуп, и тратит время зря.

Дурак Бранта имеет много общего с Веспуччи:

Назвать глупцом необходимо
 Того, в ком страсть неукротима,
 Кто бродит с циркулем всегда,
 На карте метя города,
 Кто хочет знать наверняка
 Насколько суша велика,
 У моря глубина какая,
 И что таится там, у края,
 Как у границы небосвод
 Удерживает толщу вод,
 И, если люди там и тут,
 То кто они и чем живут,
 Найдутся ль страны в той дали,
 С обратной стороны земли,
 Чем к тверди крепится народ,
 Коль всё у них наоборот,
 И как разъять, держа компас,
 Наш мир, что цельным был до нас?

Перевод Дм. Якубова

Эта сатира, может быть, как раз на Америго.

И всё же тот факт, что он был неумелым навигатором в начале своей карьеры морехода, не означает, что он не мог обучиться этому ремеслу. Первое путешествие стало для Америго практическим шансом. В следующем плавании он дал точную оценку долготы, посчитав, что острова Кабо-Верде расположены примерно в шести градусах западнее Канарских островов – что недалеко от истины, если провести меридианы примерно через центры обоих архипелагов²⁴. Он постепенно накапливал опыт и приобретал пусть и преувеличенную, но широко признанную репутацию мастера своего дела. Петер Мартир д'Ангиера признавал за ним достоинства опытного морехода и астро-

нома, а также считал его создателем или вдохновителем создания карты земель, расположенных за экватором. После смерти Америго в его адрес звучали похожие похвалы от экспертов, не имевших явных причин для укрепления репутации флорентийца. От Джованни Веспуччи, хотя тот и был его родственником и протеже, можно было ожидать, что он воспользуется шансом выйти из тени своего ментора, но он подтверждал, что часто видел своего дядю за вычислением широты, и у него были судовые журналы, которые вел его знаменитый предок. Себастьян Кабот, не испытывавший симпатий к Веспуччи, клялся, что Америго был «человеком, опытным в расчете широт»²⁵. Оба свидетельства были записаны вслед за кастильским диспутом с Португалией относительно Тордесильяской линии.

Итак, торговец-превратившийся-в-морехода стал – по крайней мере, во мнении людей – экспертом-космографом и авторитетом в науке навигации. Действительно ли его так преобразило море или это было то, что мы сейчас называем «завихрение ума»? Нет сомнений, что Америго по-настоящему обрел новые качества и придал своей жизни новое измерение. Его описание своих трудов по исчислению долгот во втором плавании очень интересно:

«Долгота более трудна [чем широта] для вычисления и поддается немногим, кроме тех, кто всегда бодрствует и следит за совпадениями Луны и планет. Ради вычисления упомянутой долготы я потерял сон и сократил свою жизнь на десять лет. Но усилия не пропали даром, потому что я надеюсь стяжать, если мне суждено благополучно вернуться домой, давно заслуженную мною славу. Да не осудит Господь мою гордыню, ибо моя работа посвящена служению ему»²⁶.

Ростки его интереса к космографии взошли, как мы видели, во время учебы во Флоренции. Жизнь в Севилье, вероятно, усилила честолюбивые устремления. Крайне